

С л о в о

преосвященнаго Антонія, епископа волинскаго, сказанное 27 января въ Кіево-Софійскомъ кафедральномъ соборѣ надъ гробомъ въ Бозѣ почившаго высокопреосвященнаго Теоноста, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго.

Величественное, но не радостное торжество совершается въ тебѣ, священная церковь Софійская. Врата твои, отверзающіяся постоянно для молитвы не только кіевскихъ гражданъ, но и всего боголюбиваго народа русскаго и даже для иностранныхъ сыновъ вселенской церкви, содѣлали тебя сугубо для нея священной. Архипастыри матери городовъ русскихъ, вступая на паству свою, спѣшаютъ лобызать твои святыни прежде прочихъ святынь сего воистину святаго града и твои стѣны оглашаются первымъ поученіемъ cadaго кіевского іерарха. Согласно сему священному обычаю, два года тому назадъ встрѣчала ты новаго Архипастыря своего Теоноста и твои богомольцы, узрѣвъ его кроткій и любвеобильный ликъ, его задумчивое, исполненное горячею вѣрою, слово, вѣроятно, утѣшались свѣтлою надеждою на долгіе дни его учительства среди твоихъ священныхъ стѣнъ,

---

Труды Кіевск. дух. Акад. Т. I. 1903 г.

вмѣщавшихъ сонмы святыхъ еще отъ дней древнихъ. Но надежды эти не сбылись.

Днесъ встрѣчаемъ мы кіевскаго Архипастыря съ большею еще торжественностью, чѣмъ тогда, но уже безмолвнаго, бездыханнаго, не могущаго огласить нашъ слухъ молитвою и благословеніемъ, но молчаливо просящаго нашихъ молитвъ о душѣ его.

Да, недолго поучалъ святитель Божій свою митрополию, и кромѣ того недолгое служеніе его церкви кіевской не было временемъ его бодрой, благодушной заботы, какъ въ прежніе годы его жизни, но временемъ болѣзни и скорбнаго сознанія своихъ немощей, когда тѣло его, изнемогшее отъ семидесятилѣтняго труда, нуждалось въ покоѣ и лѣченіи. Но если паства кіевская не могла въ достаточной мѣрѣ утѣшиться словами устъ почившаго, то вспомнимъ, что и самымъ первымъ святителямъ Христовой церкви, т. е. апостоламъ Божиимъ, мы воспѣваемъ похвалу не только за ученіе ихъ, но и за самыя болѣзни ихъ, бывшія его послѣдствіемъ: „чемъ болѣзни и труды твоя, имиже трудился еси во благовѣствіи Христовомъ“. Итакъ, почтимъ-же и болѣзни и труды пресвященнаго Теофноста, допустившіе паству кіевскую такъ мало пользоваться его словомъ, но явившіеся живыми свидѣтелями его прежнихъ трудовъ въ благовѣстіи царства Божія и краснорѣчиво научавшіе насъ, какъ должно нести крестъ принятаго служенія до послѣдняго своего издыханія.

Покойный Архипастырь былъ сыномъ извѣстной николаевской эпохи, суровой и серьезной, не щедрой на ласки во дни юности своихъ питомцевъ, а въ

зрѣлые годы державшей ихъ всегда подъ угрозой неумолимой отвѣтственности.

Эпоха эта выработала въ своихъ сынахъ твердую, желѣзную волю, которая въ наше дряблое, развращенное и капризное время, сама по себѣ, даже независимо отъ своего положительнаго содержанія, а какъ противоположность теперешней разслабленности, есть завидный даръ, достигающійся столь немногимъ современникамъ нашимъ. А если этотъ даръ соединяется не съ жесткимъ и требовательнымъ отношеніемъ къ ближнему, а, напротивъ, съ тѣмъ ласкающимъ ободреніемъ, съ тѣмъ состраданіемъ ко всему грустному и съ тѣмъ сорадованіемъ всему хорошему, чѣмъ столь богата была чистая и цѣломудренная душа святителя Феофота, — о! тогда нравственный обликъ подобныхъ представителей той, уже далекой отъ насъ, эпохи является столь же вождельнымъ для насъ, столь привлекательнымъ и даже трогательнымъ, сколь непріятны для большинства современниковъ общія представленія о томъ суровомъ времени.

Не будемъ возражать противъ общей современной оцѣнки временъ николаевскихъ, но можемъ-ли умолчать о томъ, что нѣжная душа усопшаго старца, не способная пройти мимо какого-либо человѣка безъ участія къ нему, душа эта, съ неудержимой силой влекшаяся къ невиннымъ дѣтямъ — духовныхъ, крестьянъ и всѣхъ сословій — душа эта, которую дѣти сразу понимали и ласкались къ ней, — не была-бы такова, если-бы не усвоила отъ своей суровой школы той строгости къ себѣ, того безусловнаго и не щадящаго себя послушанія своему долгу, того постоянна

го сознанія своей виновности передъ Богомъ, того смиренномудрія и самоотверженія, однимъ словомъ, всѣхъ тѣхъ качествъ стараго уклада русской жизни, которыхъ въ такой крайней степени чужда наша жалкая, наша хвастливая современность, столь безсильная въ нравственномъ отношеніи и столь несчастная, столь разочарованная жизнью въ тайникахъ своего сердца.

Итакъ вотъ безмолвная послѣдняя проповѣдь твоего усопшаго іерарха, кіевская паства. Проповѣдь эта коротка и проста и для православнаго народа весьма извѣстна, а дѣйствительностью житейскою подтверждается со всѣхъ сторонъ. Тамъ нѣтъ истинной любви, гдѣ нѣтъ смиренія, тамъ нѣтъ терпѣливаго состраданія къ людямъ, гдѣ нѣтъ подвига внутренней борьбы со своими недостатками и страстями; тамъ не можетъ быть утѣшенія страдальцамъ, гдѣ нѣтъ покорнаго несенія собственнаго креста; и только тамъ возможно служеніе общественной пользѣ, гдѣ есть благоговѣйное преклоненіе предъ собственнымъ нравственнымъ долгомъ. Усопшіи Владыка Θεогность, вознесенный на высоту служенія іерархическаго, потому только и могъ въ разныхъ епархіяхъ отдавать себя попеченію о нуждахъ сельскаго духовенства, знать по именамъ за-разъ сотни и тысячи его учащихся дѣтей, возстановлять изъ развалинъ народныя святыни, умягчать ожесточеніе раскола, наконецъ—всѣхъ утолять своею смиренною и теплою молитвой, своимъ неустаннымъ и молящимъ проповѣдническимъ словомъ,—потому только, что, независимо отъ внѣшней служебной отвѣтственности, до которой столь мало относятся всѣ пере-

численные его подвиги, онъ помнилъ, что есть н небѣ Богъ, взыскующій отъ насъ исполненіе нашег долга не судомъ человѣческимъ, но взирающій н сердце каждаго работника духовной нивы. Усопші старецъ нашъ зналъ, съ какою борьбою дается чел вѣку побѣда надъ страстями, какъ благодѣтельны вліяетъ умиленная любовь на грѣшную душу, знал наконецъ, что дѣти, чуждые страстей, угодны Богу и вотъ онъ, поэтому, не на словахъ, а дѣлами жизни своей исполнялъ служеніе братолюбія, о котором такъ много говорятъ теперь и которому такъ мал служатъ наши современники.

А съ другой стороны, какой искренній наблюдатель жизни можетъ отрицать ту истину, что въ основаніи теперешней нравственной разрозненности людей ихъ замѣтнаго безучастія, духовнаго одиночества страдальцевъ и глубокой неудовлетворенности искателей истины лежитъ не иное что, какъ отсутствіе тѣхъ духовныхъ основъ жизни—понятія долга и правилъ вѣры нашей,—коими богатъ былъ почившій. Люди, лишаящіеся этихъ правилъ—терпѣнія и борьбы съ собою, люди устами популярныхъ литераторовъ издѣвающіеся надъ историческимъ укладомъ жизни народной, надъ его долготерпѣніемъ и вѣрою эти люди, хвалящіеся новыми началами человѣколюбія и космополитизма, разучились любить не только чужихъ, но и ближнихъ, не только ближнихъ, н и родныхъ своихъ, о чемъ свидѣлствуютъ постоянно повторяющіеся случаи распаденія семействъ или случаи самоубійствъ въ тоскѣ о своемъ нравственномъ одиночествѣ.

И вотъ, когда отъ современной эпохи нравственнаго вырожденія обратишь свой взоръ къ столѣтію

лостнымъ типамъ недавней еще старины, какъ почившій Владыка, столь строгій къ себѣ и тѣмъ сократившій дни своей жизни, своего неустаннаго труда и подвига,—когда, наконецъ, посмотришь, какъ быстро рѣдѣютъ ряды такихъ отцевъ и дѣдовъ нашихъ, какъ мало ихъ уже остается въ живыхъ и, особенно, какъ мало подражаютъ имъ сыны капризной, разслабленной и изолгавшейся современности, то уже не хочешь слушаться совѣта писателя той эпохи и, вопреки ему, не говоришь съ благодарностью: тѣ люди были среди насъ, но съ тоскою: теперь нѣтъ такихъ людей!

Да будетъ же намъ памятно прощальное поученіе усопшаго Владыки, раскрытое въ его жизни, въ его нравственномъ обликѣ. Поймемъ, что условіе разумной и полезной дѣятельности въ насъ самихъ. Поймемъ, что врагъ для каждого человѣка, для каждого дѣятеля есть онъ самъ. Ни общественныя неурядица, ни пресловутая бѣдность народа, ни вымышленное безправіе личности, ни грубость среды, а собственное наше нравственное безсиліе, наше легкомысліе, наша черствость, наша неискренность, наше извиненіе себя во всемъ и требовательность отъ жизни и отъ окружающихъ насъ—вотъ въ чемъ заключается великая общественная язва русской современности.

Такой выводъ изъ духовныхъ трудовъ почившаго предлагаемъ мы паствѣ кіевской. Прибавимъ въ заключеніе, что свой нравственный обликъ почившій выработалъ подъ самымъ сильнымъ вліяніемъ именно кіевской церковной жизни, хотя и учился онъ въ академіи Петербургской. Академія эта въ его время

была подъ руководствомъ питомцевъ академіи Кіевской, воспитанниковъ той славной ея эпохи, когда кроткій, евангельскій духъ митрополита Филарета кіевскаго свѣтилъ ей и согрѣвалъ ее Это была эпоха Иннокентія, Димитрія, Антонія, давшая Петербургской академіи Макарія, Теофана, потомъ Іоанникія и иныхъ То былъ рядъ іерарховъ-педагоговъ со свѣтлымъ взглядомъ на жизнь, съ любвеобильнымъ снисходительнымъ отношеніемъ къ вѣренному ихъ попеченію юношеству, съ удаленіемъ отъ обязанностей законническаго и лицемѣрнаго осужденія жизнерадостной молодости, но за то съ высокимъ благодатнымъ одушевленіемъ, съ подвигами поста, молитвы и желѣзнаго труда. Правда, въ это же время проходилъ въ духовныя школы иной духъ суроваго и формальнаго отношенія къ жизни, и питомцы Петербургской академіи, товарищи Владыки Теогноста, раздѣлялись между этими двумя направленіями, но смиренная мягкая и даже женственная душа почившаго всецѣло предалась первому, именно кіевскому, направленію и его дальнѣйшая пастырская дѣятельность и внутренняя жизнь со всею ясностью отражала на себѣ благодатный духъ воистину преподобнаго и богоноснаго святителя Филарета кіевскаго, высокаго по движника предъ Господомъ, но въ то же время и любимаго отца вѣреннаго ему народа Божія.

Это духовное сродство преосв. Теогноста съ прежней кіевской школой Господь ознаменовалъ посвященіемъ его въ епископскій санъ именно въ этомъ священномъ городѣ, что для самого почившаго казалось странной загадкой по необычности въ то время такихъ посвященій внѣ столицы, особенно для еписко

повъ, не служившихъ въ Кіевѣ. Загадка эта объяснилась два года тому назадъ, когда Господь призвалъ его быть кіевскимъ Архипастыремъ; она раскрывается и теперь, когда мѣсто вѣчнаго упокоенія его устроено рядомъ съ могилой святителя Филарета.

Такъ, еще въ этой жизни Богъ запечатлѣваетъ смиренный и искренній подвигъ любви и вѣры, вѣнчая его такою мирною, спокойною кончиною, чуждой страха и скорби, причастною священнымъ и благодатнымъ таинствамъ, исполненной вѣры и надежды, каковой Онъ сподобилъ почившаго святителя.

Будемъ и мы учиться его подвигу смиренномудрія и цѣломудрія, смиренія и любви, строгости къ себѣ и снисхожденія къ другимъ, дабы, взаимѣнъ мятежной и неудовлетворенной жизни нашей, спокойно и благодушно совершить служеніе братолюбія; дабы взаимѣнъ того ледяного, гнетущаго страха смерти, которому подвергаются люди новаго поколѣнія, пріобрѣсти то, что дороже всѣхъ сокровищъ цѣлаго міра, т. е. покорное и разумное отношеніе къ исходу жизни нашей, чего и всѣхъ насъ да сподобитъ Господь по святительскимъ молитвамъ своего новопреставльшагося архіерея. Аминь.
